

ЭТНОС И КУЛЬТУРА

© 1994 г., ЭО, № 4

И. Л. Б а б и ч

ИЕРАРХИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТАТУСОВ В КАБАРДИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (середина XIX—XX вв.)

При исследовании соотношения биологического и социального уровней в иерархии общественных статусов и эволюции данного соотношения специалисты используют понятия «биологического» и «социального» возраста. Для первобытного общества «биологический признак категории „возраст“ в системе мировоззрения имел наибольшее значение», однако впоследствии он перестает быть главным фактором социальной организации¹. Наступает «раздвижение возрастных границ поколений: социальную зрелость индивида начинают определять другие факторы и прежде всего зависимость индивида от социального положения его отца, экономического состояния его семьи. В эпоху перехода традиционных обществ к классовой стадии эти факторы стали ведущими в жизни индивида», при этом биологический возраст продолжал сохраняться как традиция, основной сферой которой становится «только ритуальная деятельность»².

Подобный подход применим к изучению иерархии общественных статусов у кабардинцев. Их традиции отнюдь не стоят особняком, но вписываются в систему общественных отношений народов Кавказа. Многие исследователи отмечали значительную роль возрастного старшинства при установлении иерархии общественных статусов в традиционных обществах Северного Кавказа в XIX — начале XX в.³ К. И. Чомаев указывал, что «почитание и уважение родителей, старших по возрасту отмечалось как одно из важных и ярко выраженных этнических чувств горских народов Северного Кавказа»⁴. Ю. Д. Анчабадзе писал, что в традиционных кавказских обществах XIX в. наблюдалось «высокое положение старших возрастных групп», причем наибольшую роль они играли именно в общественном быту, на сельских сходах и в народном судопроизводстве⁵.

В 60—70-е годы в советском кавказоведении практически не обращалось внимание на то, что понятие «старшего» у многих народов Кавказа во второй половине XIX в. перестало жестко увязываться с возрастным старшинством. Имелись лишь отдельные указания на это. Так, И. Х. Калмыков в своей монографии «Черкесы» отмечал усиление в конце XIX в. влияния социального и материального факторов на функционирование института уважения к старшим⁶. С. Ш. Гаджиева писала о значимости личностного фактора при определении лидера в родственных структурах кумыкского общества конца XIX в. Она указывала, что в случае дряхлости самого старшего члена семьи главой назначали его брата или сына⁷.

Я. С. Смирнова, анализируя жизнь абхазов, различала одряхлевших стариков и активных абыргов. Первые сохраняли высокие институализированные статусы, тогда как вторым принадлежала реальная активная роль в обществе⁸. Ш. Д. Инал-Ипа также отмечал, что у абхазов в конце XIX — начале XX в. усиливалась роль более активного возраста, т. е. 30—60-летних⁹. И. И. Крупник, изучая генеалогии в абхазском обществе, пытался определить социальный статус людей преклонного возраста. Исследователь отметил, что хотя «глубокие старики оставались объектом традиционного почитания, но реальное влияние и руковод-

ство чаще всего принадлежало более активным и влиятельным абыргам». В силу этого не случайно на различные сельские должности в абхазском обществе начала XX в. избирались лица из числа среднего, пожилого, но никогда особо преклонного возраста. И. И. Крупник различает «номинальное» и «реальное» лидерство¹⁰.

У азербайджанцев бытовавший в XIX в. институт ахсагалов уже не имел жесткой ориентации на старшую возрастную группу, хотя сам термин в прежние времена означал «белобородого» человека и относился к старшим по возрасту. В XIX в. в азербайджанском обществе ахсагалами называли людей, пользовавшихся влиянием не только благодаря возрастному старшинству. Они играли значительную роль в общественном сельском управлении, председательствовали на сельском сходе, входили в состав медиаторских судов. К сожалению, автор не рассматривает, какие именно факторы способствовали усилению влияния людей в обществе, отмечая лишь попутно значимость материального и социального критериев в функционировании института ахсагальства¹¹.

Об отсутствии жесткой связи между институтом аксакалов и возрастным старшинством в обществе самурских лезгин XIX в. писал Б. Р. Рагимов. Аксакал — это звание, которое присваивалось выборным лицам в лезгинском обществе XIX в.¹²

Традиция почитания старших у кабардинцев, как и у других адыгов, до сих пор ни разу не являлась предметом специального изучения. Чаще всего исследователи ограничивались лишь характеристикой возрастного критерия без какого-либо учета его соотношения с другими важными критериями. Хотя отметим, что отдельные аспекты интересующей нас проблемы взаимосвязи «биологического» и «социального» возрастов рассматривались прежде, но сама традиция скисывалась в самых общих чертах или же только констатировалась¹³. «В среде кабардинцев было очень развито почитание старших по возрасту»¹⁴; у адыгов «обязательной нормой поведения являлась традиция уважения к старшим»¹⁵, — читаем мы в работах, посвященных вопросам семейного и общественного быта. Б. Х. Бгажноков выделял среди адыгских нравственных норм «принцип почитания старших, который сильно сказывался как в семье, так и за ее пределами на коммуникативном поведении младших»¹⁶. И хотя этот автор подчеркнул особое положение людей пожилых, независимо от статуса и пола, «благодаря чему старость находит себе защиту от одиночества, насмешек», но все же затронул распространение «принципа почитания старших» только на этикетные нормы поведения младших по отношению к старшим, например, «принцип уважения к старшим определяет порядок рассаживания за столом»¹⁷. Роль данного принципа при установлении общественных статусов автором не рассматривалась.

* * *

В кабардинском обществе второй половины XIX в. слово «старший» (по-кабардински «нъэхыжь») относилось уже не только и не столько к биологическому возрасту, сколько к определенному социальному статусу. В группу «нъэхыжь», следовательно, могли входить люди разного биологического возраста.

Для того чтобы определить место традиции почитания старших по возрасту в общей системе ценностей у кабардинцев, представляется целесообразным рассмотреть взаимосвязь биологического и социального признаков категории «возраст».

Рассмотрим факторы, влияющие на «социальный» возраст.

Личностный фактор. В кабардинском обществе большим уважением пользовались люди, выделяющиеся особой смелостью, умом, опытностью, красноречием, а также нравственными качествами. Наряду с этим у кабардинцев ценилось мастерство, способность к чему-либо, будь то умение лечить, ковать, писать, успешно вести и организовывать хозяйственные дела, а также умение петь и сочинять песни. Певцы, называвшиеся по-кабардински «джегуаклуэ» (в русском

произношении «джегуако»), считались, по мнению одного из адыгских просветителей конца XIX в. Талиба Кашежева, «знатоками исторических песен Кабарды, слагателями свадебных песен и поздравлений»¹⁸. Имелось в Кабарде и особое «сакральное уважение», которое оказывалось разного рода «обрядовым тхаматам», знахарям и др.

Сословный фактор. Во второй половине XIX в. в Кабарде существовало четыре привилегированных сословия: *пши* (князя), *тлектлеши* и *деженуко* (уздени первой степени), *беслан-уорки* и *уорки-пшахаутлхус* (уздени второй и третьей степени)¹⁹. В рамках как княжеского, так и узденских сословий все фамилии делились на более и менее знатные. В Большой Кабарде самыми знатными были княжеские фамилии Бекмурзиных, Кайтукиных, Мисостовых и Атажукиных, в Малой Кабарде — Гелестановых и Таусултановых. Среди узденских фамилий наибольшим влиянием пользовались Анзоровы, Куденетовы и Тамбиевы²⁰. Представители привилегированных, главным образом княжеских, сословий имели право в силу только своего происхождения на определенные знаки почитания, которые проявлялись преимущественно в этикетных нормах поведения. Приведем некоторые из подобных знаков внимания: 1) если князь ехал со свитой, состоящей из почетных узденей, то с левой стороны должен был находиться почетнейший уздень, а с правой — другой уздень, по летам и званию своему следующий за первым²¹; 2) при встрече князя с всадником последний обязан был повернуть назад и сопровождать князя до тех пор, пока не будет им отпущен. Если князь при встрече был пешим, то и всадник обязан был спешиться²²; 3) при князе нельзя было ссориться, драться; в разговоре с князем нельзя было его перебивать²³.

Князь и уздени могли приобретать высокий общественный статус только в тех случаях, когда наряду с сословной принадлежностью обладали еще и особыми личными качествами. Старик-князь обладал большим авторитетом, если было точно известно, что в молодости он проявил себя рыцарем. Уздени второй или третьей степени, за которыми признавались особые личные качества, завоевывали больший авторитет, чем представители высших привилегированных сословий²⁴. Особый общественный статус имели в Кабарде незаконорожденные княжеские дети, называвшиеся «тума». Такие дети, не имея полных княжеских прав, приобретали их лишь после того как фамилия признавала их за равных. Часто «тума» отличались незаурядными личными качествами, например искусным наездничеством, храбростью, умом²⁵.

Материальный фактор. К концу XIX — началу XX в. большое значение при установлении общественных статусов начал приобретать материальный достаток. В кабардинском обществе этого периода менялось соотношение знатности и богатства, поскольку шел процесс постепенного обнищания лиц привилегированных сословий и параллельно с ним появлялись богатые люди из крестьян. Описанный выше процесс связан с результатами проведения крестьянской реформы в Кабарде, которая изменила характер землевладения.

Родственный фактор. Характер родственных связей, безусловно, играл главную роль при определении статусов в различных родственных объединениях, но в ряде случаев не был лишен значения и в обществе в целом. Во-первых, близость к знатным или богатым фамилиям повышала положение человека в обществе. Она могла быть кровной или устанавливаться через свойство, различные виды искусственного родства, например аталычество, усыновление или побратимство. Во-вторых, при установлении общественного статуса принималось во внимание такое старшинство в родстве, которое Я. С. Смирнова применительно к северокавказским реалиям называла позиционным. Так, лица из знатных фамилий, даже если по возрасту они были младше, все равно в определенных ситуациях считались «старшими». Кроме того, в обществе почитались люди, по происхождению более близкие к семье, из которой происходил предок всей фамилии

(принцип так называемого конического клана). Они независимо от своего возраста считались «старшими»²⁶.

Должностной фактор. Когда община выбирала кандидата на какую-либо административную должность в сельское правление во второй половине XIX в., то он независимо от наличия или отсутствия соответствующих должности других важных качеств автоматически приобретал статус старшего.

Итак, понятие старшего по возрасту во второй половине XIX — начале XX в. стало выражать не только биологическое, но и социальное старшинство: не каждый биологически старший кабардинец становился реально «старшим». Хотя установленной разницы в возрасте между младшими и старшими не существовало, но были обстоятельства, которые учитывались при определении старшего.

Рассмотрев факторы, влияющие на «социальный» возраст, остановимся теперь на собственно «биологическом» возрасте. Кабардинцы не принадлежали к «старым» по демографической терминологии народам, так как доля людей старше 60 лет у них была невысока — 8,7% от взрослого населения²⁷.

Поскольку понятия «старик» и «старший по возрасту» чрезвычайно относительны в исторической действительности, в первую очередь определим, что под этими понятиями подразумевали кабардинцы. В фольклорных материалах даются следующие возрастные характеристики, бытовавшие у кабардинцев в прошлом: в 5 лет «он прыгал, скакал, резвился, как козленок», в 20 лет — «с жадностью волка хватал все, что попало», в 40 лет «полон сил, здоров, как лев», в 60 лет — «старая львица, спокойная, мудрая», в 80 лет — «не осталось ни ума, ни сил», в 100 лет «все в нем помутилось, как в тухлом яйце»²⁸. Пожилыми в Кабарде считались люди старше 50-ти лет, а стариками (*лежь*) и старухами (*фызышь*) — старше 60 лет. К началу XX в. пожилые и старые кабардинцы составляли 23,7% от взрослого мужского населения.

По сути дела, у нас есть основания говорить о двух формах возрастного старшинства: абсолютном, распространявшемся на стариков, и относительном, распространявшемся на тех, кого считали «старшими». Вторая форма старшинства, хотя и опиралась на возрастное деление общества, но все же не была жестко и однозначно связана с биологическим возрастом. Отношение к старикам и «старшим» несколько различалось, но скорее не по форме, так как они имели право на определенное к себе отношение окружающих и этикетное поведение по отношению к ним было почти одинаковым, а по степени обязательности соблюдения этих норм.

Высокий общественный статус могли иметь лишь те старики и «старшие», которые отличались особыми личными качествами. По всей видимости, далеко не все они обладали такими значимыми в кабардинском обществе социальными характеристиками. Не обладавшие ими, естественно, занимали низкие ступени в иерархии общественных статусов, и в конечном счете на их возраст особого внимания не обращали. Полученные в ходе этнографических экспедиций результаты позволяют считать, что при наличии особых личных качеств биологический возраст мог не иметь важного значения. Не вызывает сомнений, что 40—60-летний кабардинец мог иметь высокий «социальный» статус, а злой, неумный старик — нет²⁹.

В Кабарде бытовала иерархия общественных статусов, которая отражала социальную дифференциацию людей в общине и была строго закреплена в терминологии. Она выявлена автором в ходе полевых этнографических экспедиций в Кабардино-Балкарии, а также по данным фольклора³⁰.

Все общественные лидеры, как традиционные, так и выбранные на административно-судебные должности, занимали определенное место в иерархии общественных статусов. Иерархия степеней уважения и неуважения опиралась на два критерия: а) каждая степень отражала меру признания советов, данных человеком, и меру следования этим советам окружающими людьми; б) каждой степени соответствовали определенные нормы этикетного и нравственного поведения.

	Степени уважения*	Приблизительное значение
4	бегъымбарым пащлац	приравнивать к пророку
3	гъэльэпэн	почитать
2	флэллык илэн	признавать авторитет
1	пщлэ хуэщын, улыдж, хуэщын, цлэыхъ хуэщын	оказывать уважение
—		
1	цлхуу мылгытэн, цлхуу хамыбжлн	не считать человеком
2	хъм пэшын	приравнивать к собаке
3	кызыхэк аризымышлэж, зинэк элкыльхуа, хъм кыльхуа	рассматривать как непомнящего родства, незаконнорожденного, собакой рожденного
	Степени неуважения.	

* На схеме условно показана вертикальная ось «степени уважения — степени неуважения», точка отсчета — нейтральное отношение.

Степени уважения 1. «Оказывать уважение». С «уважением» относились к тем кабардинцам, которые никакими особенными личными качествами не выделялись, но вместе с тем ничем в моральном отношении себя не запятнали. Так же могли относиться к пожилым или старым людям, которые проявили себя в прошлом не совсем хорошо. Отношение к ним проявлялось в соблюдении таких элементарных норм уважения, как обязанность поздороваться при встрече, задать вопрос о жизни и здоровье, оказать в случае необходимости помощь. Независимо от биологического возраста таких людей при них не запрещалось курить, пить, рассказывать анекдоты. Окружающие могли не следовать советам этих людей.

2. «Признавать авторитет». «Авторитетом» пользовались кабардинцы, выделяющиеся нравственными и интеллектуальными качествами. Наряду с этим «авторитетным» становился человек, обладавший некоторыми способностями, будь то сельский писарь, кузнец, мулла. Кабардинцы признавали «авторитет» пожилых и старых людей, которые никакими особенными личными качествами не выделялись: ценили их возраст. Помимо этого «авторитетом» могли пользоваться лица, обладавшие только властными полномочиями, ничем другим не блистая. Все главы семей и других родственных объединений, все князья и первостепенные уздени независимо от наличия или отсутствия особых личных качеств считались «авторитетными» людьми. При «авторитетных» людях кабардинцам не разрешалось курить, пить, перебивать их во время беседы. Их места были всегда самыми почетными в доме. При появлении «авторитетных» людей надо было встать. Окружающие обязаны были прислушиваться к советам, данными «авторитетными» людьми. Во время застолья следовало вспоминать о них, произнести похвальное слово.

3. «Почитать». С «почитанием» в Кабарде относились к немногим людям. Обычно в селении имелось три-четыре таких человека. Почитаемые люди выделялись умом, мудростью и особыми моральными качествами. С «почитанием» могли относиться к некоторым наиболее талантливым джегуако, к немногим военным, имеющим высокие чины, медали и личные, всем известные заслуги. Такое же отношение могло распространяться и на некоторых глав родственных объединений, должностных лиц, князей и узденей первой степени, но для этого необходимы были особые личные качества. По мнению известного филолога З. М. Налоева, в отношении к таким людям присутствовал элемент «возвеличивания». «Почитание» проявлялось в первую очередь в соблюдении ряда этикетных норм поведения. Так, если во время застолья случайно произносилось имя «почитаемого» человека, то присутствующие обязаны были произнести тост

в его честь. «Почитаемые» кабардинцы могли примирять людей во время ссор, драк, кровной мести, кражи невест. Их обязательно приглашали для бесед с гостем, на свадьбы и похороны.

4. «Приравнять к пророку». В кабардинском обществе «приравнять к пророку» могли только очень умных и добрых людей, не запятнавших себя ни сплетнями, ни черствым отношением к окружающим. Обычно в селении было два-три таких человека. При наличии особых заслуг таким человеком мог быть религиозный лидер. Однако военные независимо от своих достоинств не могли быть «приравнены к пророку». Такими людьми иногда бывали судьи. Уважение к людям, которых «приравняли к пророку», проявлялось прежде всего в незамедлительном следовании их советам. Обязанностью таких людей было примирять врагов, вмешиваться в различные дела, касающиеся всего селения.

Степени неуважения. Приступая к рассмотрению степеней неуважения людей, оговоримся, что четкой разницы между ними автору проследить не удалось. Из разговоров с информаторами старшего поколения мы заключили, что внешние различия между степенями неуважения не выражались ясно и отчетливо, как это имело место со степенями уважения людей. Связано это явление с тем, что кабардинцы предпочитали не акцентировать внимание на отрицательных сторонах жизни. Поэтому характеристики степеней неуважения людей представлены автором с известной условностью.

1. «Не считать человеком». Такого отрицательного отношения заслуживали люди, чье поведение с точки зрения морали адыгов считалось безнравственным. К таким людям могли быть отнесены и старики, если они того заслуживали. Отношение к ним проявлялось в первую очередь в этикетной стороне поведения, а именно: с такими людьми не хотели здороваться, тем более — общаться. Их не приглашали на свадьбы и похороны. Разумеется, к ним не ходили за советами, не поверяли своих тайн, не приглашали в суд свидетелями и т. д.

2. «Приравнять к собаке». Так могли думать о людях, которые проявили себя чрезвычайно плохо: слыли ворами, доносчиками, пьяницами, драчунами и сквернословыми. Среди них могли быть и старики.

3. «Рассматривать как непомнящего родства, незаконнорожденного, собакой рожденного». Так в кабардинском обществе относились к людям, которые полностью потеряли человеческий облик и, по представлениям кабардинцев, утратили свою связь с предками.

Таким образом, в кабардинском обществе второй половины XIX — начала XX в. понятие «старший» (*нъэхыжь*) относилось не только к биологически старшим людям, но в первую очередь к социально старшим, т. е. к тем кабардинцам, которые в силу ряда факторов приобретали статус «старшего», свидетельствующий о подготовленности личности к общественной деятельности: принадлежностью к высшим привилегированным сословиям, должностным положением человека, богатством, родственными связями. Для того чтобы определить, какие из факторов были ведущими в обществе, мы привлекли материалы по выборам во введенные царской Россией различные административные и судебные органы, и по выделению «традиционных» лидеров (религиозных, родственных, судебных и др.). Сопоставили эти данные, обращая особое внимание на биологический возраст.

Как правило, на административно-судебные должности выбирали не стариков, а людей среднего возраста — 30—50-летних, причем в начале XX в. начинают активно действовать и 25—30-летние кабардинцы. В их выдвижении были значимы личные качества, богатство, отчасти сословный статус и биологический возраст, хотя именно в это время два последних фактора получили тенденцию к ослаблению. Постепенно увеличивалась роль материального достатка. Ослабление значимости «биологического» возраста во многом и связывается с ориентацией российской администрации в конце XIX в. на более активную часть населения Кабарды. «Биологический» возраст перестает быть главным фактором социальной организации кабардинского общества. Вступление кабардинца в стар-

шую возрастную группу не давало ему права автоматически получить высокий общественный статус. «Биологический» возраст как один из вариантов предписанного статуса давал право на «формальное» почитание, проявляющееся главным образом в этикете. Причем даже в рамках этикета почитание старших возрастных групп испытало на себе влияние социального фактора, в связи с чем в наших материалах различаются абсолютное и относительное старшинство. Поэтому, думается, не стоит писать о «высоком положении старших возрастных групп в кабардинском обществе, как и в кавказских обществах» этого периода в целом. В прошедшее десятилетие некоторые исследователи, в частности Я. С. Смирнова и И. И. Крупник, опиравшиеся на абхазский материал, уже пришли к подобным выводам. Кабардинские материалы подтверждают выводы этих ученых.

* * *

Советская администрация в 20-х годах XX в. в первую очередь коренным образом изменила те принципы, на основе которых ранее выбирали на различные должности в сельское правление. Анализ архивных документов этого времени показывает, что на административные должности (сельские и окружные) выбирали преимущественно кабардинцев в возрасте 20—40 лет. Главным образом, это были бедные, неграмотные люди, вступившие в ВКП(б). Особыми личными качествами, необходимыми для успешной работы, они обладали не всегда, что и приводило их к частым конфликтам с сельчанами. Возрастные ограничения при выборе на различные административные должности, связанные с проведением советской политики в Кабардино-Балкарии, не случайны. Люди пожилого возраста и старики чаще всего негативно относились к установлению в кабардинских селах советской власти. Вот как об этом писали в газетах того времени: «Стариковство в Кабарде — подрыв пути к пролетарскому строительству»³¹. В силу этого постепенно старшая возрастная группа вытеснялась из административного сельского управления.

Проведение советской властью судебной реформы в Кабарде, запрещение традиционного медиаторского (третейского) суда, создание участковых судов и «примирительных камер», членами которых выбирали молодых кабардинцев в возрасте 20—40 лет, чаще всего из партийных и неграмотных слоев населения³², показывает, что и в судебной практике 20-х годов ясно прослеживается тенденция постепенного вытеснения старшей возрастной группы.

Весьма отрицательным было отношение органов советской власти к религиозным лидерам (эфендиям, хаджи), часто резко критиковавшим их деятельность. В начале 20-х годов их стали лишать избирательных прав, а в конце десятилетия начали выселять на Соловки. Положение религиозных лидеров усугублялось еще и тем, что многие из них практиковали знахарство, которое также преследовалось советской администрацией. Такова была судьба и лиц привилегированных сословий³³.

Политика советской администрации в Кабарде была направлена на отстранение традиционных лидеров от управления общественными делами, на ослабление их авторитета. На первый план в кабардинском обществе стали выдвигаться люди, бывшие в дореволюционное время в тени. Были среди них и нерадивые крестьяне, не умевшие работать или организовывать работу, но зато принадлежащие к молодой и отчасти средней возрастной группам и легко принявшие идеологию большевиков. Постепенно это привело к изменению критериев, по которым устанавливалась иерархия общественных статусов в прошлом и, по сути дела, к нарушению традиционной системы выдвижения лидеров в Кабарде.

Современную жизнь кабардинцев условно можно разделить на две области: жизнь в производственном коллективе и домашнюю жизнь. Основанием для этого деления служит то обстоятельство, что традиционные нормы поведения практически не выходят за рамки домашнего быта. Рассмотрим факторы, которые

в настоящее время оказывают влияние на установление традиционных общественных статусов³⁴. Как и прежде, в кабардинском обществе чрезвычайно значимы личные качества. Ценятся ум, красноречие, наличие определенных способностей, например умение лечить народными средствами. Обращается внимание на нравственность человека, а также на знания и образование, например, на знание арабского языка или *адыгэ хабзэ*^{*}. В значительной степени сохранилось значение родственного фактора, упоминавшегося выше «позиционного старшинства». Хотелось бы подчеркнуть, что именно в родственных структурах сохраняются лидеры, наиболее влиятельные в современном кабардинском обществе. В первую очередь речь идет о «старших» в фамилиях. Есть и «старшие» кварталов. При выборе на общественную должность, как и до революции, нет жесткой связи с биологическим возрастом. Сохраняются и традиционные религиозные лидеры. В настоящее время идет процесс возрождения ислама и мусульманского образа жизни. В среднем в каждом селении имеется 5—10 человек служителей религиозного культа — эфендиев (относятся к разным возрастным группам), однако хаджи исчезли еще в довоенное время.

Как и прежде, в кабардинском обществе продолжают различаться старики и «старшие»: получение статуса «старшего» стало еще жестче связываться с наличием или отсутствием определенных личных качеств. По отношению к старикам и «старшим» окружающие продолжают соблюдать ряд норм поведения.

В целом в современном кабардинском обществе наблюдается сокращение значимых факторов, которые в прошлом влияли на установление традиционных статусов, равно как и сокращение численности традиционных лидеров. Не вызывает сомнений, что авторитет сохранившихся лидеров, в том числе и лидеров из старшей возрастной группы, заметно снизился. Это особенно видно при рассмотрении бытовавшей еще до революции иерархии степени уважения и неуважения людей в обществе, частично сохраняющейся в настоящее время.

Самая высокая степень уважения в иерархии — «приравнивание к пророку», — употреблявшаяся еще до войны, теперь (за редким исключением) ни к кому не применяется. Нам известны только сообщения об ее применении. Так, старик из села Малка рассказал, что в их селении проживает человек, которого люди старшего поколения «приравнивают к пророку». Высокой степени уважения он удостоился за то, что, во-первых, знает арабский язык, во-вторых, отличается добрым и бескорыстным отношением к людям и, наконец, бесплатно пишет на бумаге молитвы. Этим письмам (*дуа*) придают магический смысл и они, как и прежде, ценятся в кабардинском обществе. Формально этим должен заниматься кварталный эфендий, но окружающие предпочитают обращаться именно к этому человеку, причем ему самому неоднократно предлагали должность эфендия, но он всякий раз отказывался, так как, по его мнению, лучше помогать бесплатно³⁵. Есть также и 90-летний старик из села Куркужин Абаз Пшихачев, который местными стариками «приравнивается к пророку»³⁶.

Что касается более низких степеней уважения, таких, как «почитание» и «признание авторитета», то заметим, что разница между ними сейчас несущественна. Лишь некоторые информаторы, главным образом старшего поколения, сообщают, что при отсутствии внешних различий между этими формами уважения на самом деле имеется много внутренних различий. Так, «почитаемый» человек должен отличаться не только умом, но быть добрым и честным. В современном обществе «почитаемыми» людьми бывают некоторые «старшие» фамилии³⁷. Для человека же, пользующегося «авторитетом», достаточно обладать умом либо занимать традиционную должность. Нравственные качества не учитываются.

Претерпел изменения и характер проявления уважения. Если раньше степень уважения проявлялась в том, насколько советы, данные человеком, признавались окружающими, то сейчас к советам людей вообще стали прислушиваться значительно меньше. Традиционное уважение к человеку в современном ка-

* Адыгэ хабзэ — свод традиционных норм поведения в общественном и семейном быту адыгов.

бардинском обществе определяется главным образом тем, как часто его приглашают на различные семейные, квартальные, фамильные или другие торжества.

Продолжают бытовать и неуважительные формы отношения к людям. Однако разница между этими формами в настоящее время в этикетной стороне прослеживается с трудом³⁸. Слабо выражается неуважение к пьяницам, которых стало много, к грубым людям, склонным оскорблять окружающих. Сильно неуважение к ворам. Людей, которых не уважают, не приглашают в гости, иногда с ними даже не здороваются.

Значительны изменения в традиционной системе лидерства, бытовавшей в кабардинской сельской общине, особенно в связи с деятельностью российской администрации, проведением ею земельной, административной, судебной реформ. Возрастное старшинство перестает быть главным фактором социальной организации общества, уступая место новым, более дифференцированным критериям социальной зрелости. Функционирование института традиционного лидерства в XVIII—XIX вв., хотя и продолжалось, но в более сложной системе адыгских ценностей и факторов, оказывающих влияние на выдвижение лидера. Установление советской власти в Кабарде, безусловно, сломало бытовавшую систему традиционного лидерства. В первые же десятилетия советского правления в кабардинских селениях началось наступление на нее, что привело к полному ее вытеснению из общественной жизни на периферию семейно-бытовых отношений, в которой она существует, хотя и фрагментарно, и по сей день.

Примечания

¹ Калиновская К. П. Категория «возраст» в представлениях народов Восточной Африки//Африканский этнографический сборник. Т. XII. Л., 1980. С. 78—79.

² Там же. С. 52.

³ Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин. Орджоникидзе, 1974. С. 241.

⁴ Чомаев К. И. Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа//Вопросы национальной психологии. Черкесск, 1972. С. 130.

⁵ Анчабадзе Ю. Д. Странные поминки//Сов. этнография. 1982. № 1. С. 133.

⁶ Калмыков И. Х. Черкесы. Черкесск, 1974. С. 201.

⁷ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 255.

⁸ Смирнова Я. С. Роль старших возрастных групп в абхазской фамильно-патронимической организации//Феномен долгожительства. М., 1982. С. 54.

⁹ Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.

¹⁰ Крупник И. И. Структурно-генеалогическое изучение абхазского долгожительства//Феномен... С. 60, 62.

¹¹ Раджабов Г. А. О системе управления сельской общины в Ширване//Вопросы истории Азербайджана. Баку, 1966. С. 132—140.

¹² Рагимов Б. Р. Формы общинного управления у самурских лезгин (XVIII — первая половина XIX в.)//Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX — начале XX в. Махачкала, 1987.

¹³ Приведем некоторые из работ по этому вопросу: Думанов Х. М. Некоторые вопросы изучения большой семьи и патронимии у адыгов//Вестн. Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1970. Вып. 4.; Меретуков М. А. Семейная община у адыгов//Учен. зап. Адигейского НИИ. Майкоп, 1965. Вып. 4.; Першиц А. И. Фамилия — льэпэкь у кабардинцев в XIX в.//Сов. этнография. 1951. № 1. С. 180; Налоев Э. М. К общественному статусу джегуако//Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1.

¹⁴ Студенецкая Е. Н. Быт и культура кабардинского народа XVIII—XIX вв.//Нальчик, 1954. Вып. 3. С. 171.

¹⁵ Киржинов С. К вопросу об этикете адыгов в семейном и общественном быту//Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 168.

¹⁶ Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 33.

¹⁷ Там же. С. 34—36.

¹⁸ Кашежев Т. Б. Свадебные обряды кабардинцев//Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 229.

¹⁹ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее — ЦГА). Ф. И-40. Оп. 1. Д. 754. Л. 1.

²⁰ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа//Кавказ. сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 143.

²¹ Архив Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 3; ЦГА. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 754. Л. 1.

²² ЦГА. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 754. Л. 1—3.

- ²³ Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 282. Л. 40—74.
- ²⁴ Сталь К. Ф. Указ. раб. С. 124—125.
- ²⁵ ЦГА. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 754. Л. 3—4.
- ²⁶ Коджесау Э. С. Патронимия у адыгов // Сов. этнография. 1962. № 2. С. 117.
- ²⁷ ЦГА. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 14—19.
- ²⁸ Предания о Жабаци. Нальчик, 1965. С. 51—52.
- ²⁹ Полевые материалы автора 1988—1992 гг. // Архив Института этнологии и антропологии (далее — АИЭА). Тетр. 1, 10, 12; тетр. 2, № 1, 4.
- ³⁰ Там же. Тетр. 1, № 10, 12—15; тетр. 2, № 1—5.
- ³¹ Красная Кабарда. 1923. № 34, 86.
- ³² ЦГА. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 3.
- ³³ Там же. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—8; Ф. Р-237. Оп. 1. Д. 76; Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 57. Л. 4; Д. 2. Л. 2; Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 20. Л. 1—23.
- ³⁴ АИЭА. Тетр. 3, № 1—5, 8, 9.
- ³⁵ Там же. Тетр. 3, № 8.
- ³⁶ Там же. Тетр. 3, № 9.
- ³⁷ Там же. Тетр. 3, № 2, 7.
- ³⁸ Там же. Тетр. 1, № 18; тетр. 2, № 4; тетр. 3, № 8.

The Hierarchy of social statuses in the Kabarda society (mid XIX—XX centuries)

The evolution of the traditional leadership in Kabarda is analysed in the context of the Adyg value system. Biological and social aspects of the age category are taken into account. The author looks at the tradition of respect to the elderly as related to the social status hierarchy of the Kabarda society during the XIXth and the XXth centuries.

I. L. Babich

© 1994 г., ЭО, № 4

В. Б. Зайковский

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В народной культуре восточных славян персонифицированы разные отрезки времени, среди которых важное место занимают олицетворенные праздники. Д. К. Зеленин считал, что «персонификация какого-то отрезка времени для восточных славян нова и, очевидно, заимствована с Запада»¹, но скорее всего это явление топологически общее для многих культур и связано со стремлением человека одушевить окружающий его мир, в том числе и время. Персонификация праздников способствовало и то, что обычно они носят имена христианских святых, которым они посвящены, причем святой как бы воплощается в дне его памяти и часто довольно сложно различить, в каком случае речь идет о самом святом, а в каком — о его празднике. Подобным образом в роли святых выступают и персонифицированные названия других календарных дат — Семик, Троица, Покров и т. п. Вероятно, вследствие такого олицетворения возникли уже в христианскую эпоху восточнославянские праздники типа Купала, Коляды и др. Сказалось также и взаимовлияние названий календарных дат и мифологических персонажей, примером чего может служить обрядовый термин *русалка*, обозначающий и мифологический персонаж, и обрядовый, и календарную дату. Этнокультурная значимость праздника и соответственно его названия слагаются из многих компонентов: хозяйственного значения даты, семантики обрядов, приуроченных к этому периоду, функциональной народнохристианской семантики святого, а также обрядового или мифологического персонажа и т. п. Эти составляющие находятся во взаимодействии как между собой, так и с компонентами семантики